В.М. ПАВЛОВ

ПО РАЗВИЛКАМ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Виктор Павлов

По развилкам русской истории

«Дашков и К»

2018

УДК 93/94
ББК 63.3

Павлов В. М.

По развилкам русской истории / В. М. Павлов — «Дашков и К», 2018

ISBN 978-5-394-02987-5

В книге, которую Вы, уважаемый читатель, держите в руках, Россия представлена в виде железнодорожного экспресса, несущегося по рельсам истории. За окном мелькают большие и малые города, станции и полустанки, территории, населенные разными народами и этносами, в которых происходят те или иные исторические события. Одни из них малозначительны и экспресс минует их, не останавливаясь, на других же немного притормаживает, лишь фиксируя свое присутствие, на третьих делает разные по продолжительности остановки, принимая участие в происходящих событиях. Особый интерес представляют узловые станции с развилками, на которых можно изменить направление движения. И тогда принимаются судьбоносные решения, влияющие на дальнейший путь России, приводящие её к процветанию или заводящие в тупик, из которого непомерными усилиями и с большими жертвами приходится впоследствии выбираться и искать новые дороги для дальнейшего маршрута.Для широкого круга читателей.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978-5-394-02987-5

© Павлов В. М., 2018
© Дашков и К, 2018

Содержание

Предисловие 6
Глава 1 8
Глава 2 22
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Виктор Павлов
По развилкам русской истории

Книга издана в авторской редакции

Предисловие

Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земли, и, косясь, посторaниваются и дают ей дорогу другие народы и государства.
Н. Гоголь

Исторический путь каждой страны уникален. Не всегда и не везде он столь прям и гладок, чтобы по нему нестись на птице-тройке лихих лошадей. Путь страны можно представить в виде связанных между собой отдельных отрезков. Узлы соединяют концы предыдущих отрезков с началами следующих, чем и достигается непрерывность исторического процесса. Концы отрезков знаменуются судьбоносными историческими событиями, после которых двигаться старым путем становится невозможно или нецелесообразно. В этих случаях перед страной появляется развилка, предоставляющая варианты дальнейшего движения, и тогда нужно принять решение, каким же путем идти. После принятого решения свернуть с выбранного маршрута в течение какого-то времени уже нельзя, и страна движется до следующего исторического события, дающего возможность перейти на новый путь. Это напоминает движение состава между узловыми станциями, на которых может меняться сам локомотив, число вагонов в составе либо поездная бригада. И когда вновь сформированный состав готов к дальнейшему следованию, стрелочники переводят его на магистральный путь; состав устремляется по нему, круша надежды и планы одной части пассажиров и радуя новыми открывающимися горизонтами другую.

Так движется по рельсам истории и наш русский экспресс. Под ним, как под знаменитой птицей-тройкой Николая Васильевича Гоголя, дымится дорога, “…гремят мосты, все отстает и остается позади”.

Остаются позади события, не столь важные для его пассажиров, но экспресс останавливается на станциях, где совершаются дела, влияющие на выбор Россией дальнейшего пути. По ходу следования экспресс поджидают неприятности, которые в зависимости от действий поездной бригады, могут привести к незапланированной остановке или даже сходу поезда с рельсов. Тогда пассажирам приходится покидать свои теплые насиженные места и “всем миром” исправлять положение. Особый интерес представляют узловые станции с развилками, на которых возможно изменить направление движения. Здесь нам с Вами, уважаемый читатель, интересно узнать кто, как и на каком основании принимал решение о выборе того или иного пути. Ведь принятые решения становились судьбоносными для России, влияли на её дальнейший путь, на котором впоследствии страна что-то приобретала или теряла. Поэтому нас должны увлечь и предположения о том, что именно страна могла потерять или приобрести, отказавшись от других вариантов, предоставленных ей Госпожой Историей.

Чтобы разобраться в хитросплетениях истории, политики, экономики, философии и религии автор привлек труды известных отечественных историков: Карамзина, Устрялова, Янина, Лихачева, Рыбакова; философов: Хомякова, Бердяева, Ильина; политиков: Ленина, Милюкова, Суханова, Теодоровича; экономистов: Катасонова, Рожкова; а также писателей-публицистов: Джанишаева, Мельгунова, Коняева, Мельникова, Шевкунова и других. Их взгляды порой разнятся, поэтому часто приходится искать неожиданный вариант объяснения того или иного вопроса. Для этого мысли известных людей, а также предположения автора этой книги вкладываются в уста персонажей под видом помощников-экспертов по разным направлениям. В соответствии с этим они получают имена Историк, Политик, Экономист, Философ и другие, соответствующие сферам общественной и государственной деятельности. Между ними

завязываются споры и обсуждения наиболее интересных тем, по которым нет устоявшихся мнений. Это позволяет упростить формулировку вопросов и должно помочь уважаемому читателю понять их суть.

По мнению автора, на пути исторического движения русского экспресса было четырнадцать узловых станций, заслуживающих особого внимания. На четырех из них стране пришлось выбирать дальнейшую дорогу, на остальных решения принимались по ходу прохождения развилок, выбранных ранее дорог. На первой станции формировалось древнерусское государство. Здесь произошел выбор дороги построения новой государственности из числа восточных славянских племен. На второй станции уже состоявшееся русское государство прошло развилку, ведущую к разным мировым религиям. На третьей станции оказалась междоусобная развилка, приведшая к катастрофе русского экспресса. Поэтому на четвертой станции пришлось вновь выбирать дорогу, по которой Русь могла выйти из тупикового пути. В результате на пятой станции оказалось государство, народ которого обрел свой менталитет, скрепленный православной верой, и эта вера приняла решение о прохождении очередной развилки. На шестой станции Госпожа История предложила Московской Руси широкий магистральный путь, и она неожиданно для всех резко свернула на него, обретя имперский вид. На седьмой станции уже имперский русский экспресс, желая подстроиться под европейское движение, долго не мог выбрать развилку перехода на европейскую колею, в результате чего существенно отстал от европейского графика. На восьмой станции для выбора прохождения очередной развилки пришлось открыть ящик Пандоры, и его содержимое снова завело российский экспресс в тупик. Выбираться из него пришлось уже на девятой станции, пожертвовав трехсотлетней монархией Романовых. Десятая станция имела революционный вид, на ней было много развилок, но мало времени для выбора. В результате на одиннадцатой станции русский экспресс потерпел катастрофу, и пришлось вновь выбирать дорогу, но уже в условиях Гражданской войны. Из нее страна вышла на социалистический путь и на двенадцатой станции выбрала стратегию прохождения советских развилок. Путь оказался победоносным, но очень трудным и самым затратным. Поэтому на следующей, тринадцатой станции русский экспресс опять зашел в тупик, откуда с трудом выбрался, слава Богу, без революций и гражданских войн. На четырнадцатой станции он в очередной раз встал перед выбором дороги, отвергнул социалистический путь и осторожно пошел по своей “особой” русской дороге. Куда она его приведет? Русь, “дай ответ. Не даёт ответа”.

Вот так, меняя пути и локомотивы, переформировывая свой состав и поездную бригаду, русский экспресс из далёких былинных времен добрался до современности, и везёт нас с Вами, уважаемый читатель.

Не на всех дорожных развилках принимались решения об изменении пути, не всегда действия поездной бригады были правильными. В результате русский экспресс попадал в катастрофы и въезжал в тупики, откуда непомерными усилиями и с большими жертвами приходилось его вытаскивать и переформировывать для дальнейшего движения. Но он продолжает двигаться уже более тысячи лет, что позволяет госпожа История далеко не каждому народу.

На своём пути Россия вершила святые и окаянные дела. Она вела себя сообразно тем или иным условиям, и не надо стыдится этого, прятать что-то нехорошее или выдавать за хорошее. Наша гордость в том, что именно наше «хорошее» старается пересилить наше «плохое». Об этом очень ярко сказал русский философ И.А. Ильин: «Мы говорим о святой Руси для того, чтобы утвердить, что рядом с окаянной Русью (и даже в той же самой душе!) всегда стояла святая Русь. И Россия жила потому, что святая Русь вела несвятую Русь, обуздывала и учила окаянную Русь». Будем надеяться, что это продолжится и в дальнейшей истории России.

Глава 1
Развилка государствообразующих дорог

Дороги, которые нас выбирают.

Территория, на которой начал формироваться состав русского экспресса, в далёком прошлом называлась древними греками Великой Скифией. Великой она была как по своим размерам, так и по силе. Скифы представляли реальную угрозу для греко-латинской цивилизации и своими набегами часто тревожили Римскую империю. Но ко времени формирования нашего состава скифов уже не было, их сменили племена, оставшиеся в истории как славянские.

Скифы появились и исчезли со страниц истории неожиданно. Вопрос о происхождении скифов до сих пор остаётся окончательно не решенным, хотя большинство результатов исследований свидетельствует в пользу принадлежности их к одной из ветвей индоевропейского племени, скорее всего иранской. Основными источниками по истории скифов являются сочинения античных авторов. Наиболее известным является «История» грека Геродота Галикарнасского, жившего в V веке до н. э. и описавшего скифов Северного Причерноморья, которых он посетил сам. Однако период появления скифов в Северном Причерноморье относят к VIII веку до н. э., тогда они занимали территорию современных Южной России, Украины и Молдавии, включая степной Крым и районы, прилегающие к Северному Причерноморью. Последние территории скифского царства в Крыму и низовьях Днепра просуществовали до второй половины III века н. э. и были заняты готами. После этого скифы окончательно потеряли свою самостоятельность и этническое своеобразие, растворившись среди племён эпохи Великого переселения народов. В первой половине VI века готский историк Пордан писал, что в Скифии на огромных пространствах обитает многочисленное племя венетов, которых современные историки считают непосредственными предками древних славян VI–VIII веков. Само слово «славяне» впервые входит в обиход у византийских историков в VI веке нашей эры. Но и после исчезновения Скифии этноним «скифы» часто использовался для наименования различных народов, населявших территорию Северного Причерноморья, включая средневековую Русь.

В борьбе между славянскими и франко-германскими племенами за наследство Римской империи победа осталась за последними, и на территории Западной Европы к концу VIII века образовалась могучая Священная Римская империя во главе с королём Фракии Карлом Великим, ставшим императором. Создав империю силой, Карл Великий принудительно вводил христианство на её территории. На основе культурнонаучного наследия поверженной греко-римской империи в Западной Европе началось так называемое «каролингское возрождение». Бывшие варварские народы Западной Европы воспринимали разрушенную ими ранее греко-римскую культуру, при монастырях открывались школы и библиотеки, пришло время литературы, искусства, архитектуры, юриспруденции, а также теологических изысканий. На основе латинского алфавита возник особый шрифт, так называемый «каролингский минускул», позже реформируемый в «готический», а затем в современный «латинский» шрифт.

Вскоре Священная Римская империя, поделённая между наследниками Карла Великого, распалась на ряд мелких государств, воюющих между собой за территориальные приобретения. Славянские племена были окончательно вытеснены с территории Западной Европы и подвергались нападениям, как со стороны западных народов, так и восточных. Юго-западные племена (болгары, дулебы, русины) притеснялись аварами и мадьярами (венграми). На

юго-восток, заселённый полянами, волнами накатывались хазары, печенеги, половцы. Северо-западные племена (древляне, радимичи, вятичи, кривичи) страдали от набегов варягов.

Таким образом, ко времени формирования состава русского экспресса, в Западной Европе уже существовали государственно-христианские образования, в которых на основе греко-римского наследия начали развиваться просвещение и национальные культуры. В противоположность этому, среди большинства славянских народов оставался племенной уклад жизни с языческими религиями и варварскими нравами. Описывая их, автор «Повести временных лет» даёт лестную оценку племени полян, которые, по его мнению, придерживались почти христианских норм (не смотря на то, что они были язычниками). Они уважали старших и имели брачный обычай, предусматривающий моногамию и согласие невесты на брак. Древляне же и прочие лесные племена жили «звериным образом»: убивали друг друга в межродовых конфликтах, ели нечисто, у них не было брака, невест воровали, процветало многожёнство. К перечисленным летописцем нравам нужно относиться с некоторым скептицизмом, принимая во внимание то, что автор сам был христианином, иноком Киево-Печерской лавры, и, вероятно, этнически по-родственному относился к полянам. Его описание свидетельствует о наличии межплеменной неприязни, оставшейся еще в XII веке, когда создавалось это произведение.

В начале IX века основным мотивом к объединению славянских племён стала необходимость защиты от внешней угрозы, а препятствием – отсутствие общего врага. Так дулебы отбивались от персов, болгары от венгров, поляне от хазар, древляне и прочие лесные племена – от варягов. Защитить себя удавалось далеко не всегда, и чтобы успокоить агрессивных соседей, приходилось выплачивать им дань, в частности, поляне платили дань хазарам, а племена севернее от них – варягам. Правда, каким варягам, нам сейчас понять трудно, наверное, разным, исходя из пословицы – “кто смел, тот и съел”. Это и было плохо – на всех не напасёшься.

Инициатива объединения, по-видимому, шла от славянских земель, граничащих с варяжскими. Под «варягами» понимались те, кто приходили к славянам с северо-западных земель, окружающих Балтийское море. Это могли быть как заморские скандинавские народы, так и прибалтийские племена, позднее разбавленные выходцами из Западной Европы.

Объединяться нужно было вокруг кого-то сильного и авторитетного, а такого «объединителя» в то время среди славян не нашлось. Значит, его нужно было искать в ближайшей варяжской стороне. Откуда пришли варяги, вокруг которых началось объединение, точно не известно. У историков существуют две версии: норманнская, придерживающаяся предположения, что они являются германоязычными норманнами-скандинавами, и прибалтийская, которая отводит варягам место между ляхами (поляками) и датчанами. В качестве аргументов историки приводят археологические факты раскопок, а также упоминания в народном эпосе западных стран. Но все эти аргументы зыбки, неустойчивы и противоречивы. Чтобы как-то разобраться в этом вопросе, призовём себе помощников-экспертов, пусть один из них будет Историк, а другой – Археолог. Послушаем, что они говорят.

– Я думаю, что никакой инициативы объединения не было, – несколько неожиданно начал Историк, – просто северные славянские племена начали искать себе защиту среди ближайших соседей. Искали того, кто понадежнее и посильнее и выбрали прибалтов.

– Однако археологические раскопки указывают на норманнский след пришельцев, – сослался Археолог на объективные факты.

– Следы могли оставить все, кто побывали в тех краях, да и между прибалтийскими и скандинавскими народами были тесные связи, как раз об их присутствии и могли свидетельствовать раскопки. Ведь Вам, вероятно, встречались на территории проживания северных славян и следы прибалтийских племён? – спросил Историк.

– В этом как раз ничего удивительного нет, следы соседей присутствуют всегда, а вот факты, свидетельствующие о появлении дальних народов, требуют своего объяснения. С какой целью они там появились – воевать, торговать или жить? – не сдавался Археолог.

В этом положении цугцванга, как говорят шахматисты, когда любой ход игрока ведет к ухудшению его позиции, нам с Вами, уважаемый читатель, ничего не остается, как самим поразмыслить логически. Инициатива объединения все-таки должна была быть. Хотя бы для того, чтобы стать больше и сильнее. Но вот каким путем стать «больше и сильнее»? В истории человечества для этого отработаны три возможных пути. Первый – когда «сильный» становится больше за счет «слабого», приводя его огнем и мечом к своей власти. Этот пример мы видели при создании Священной Римской империи Карла Великого. Там сильное королевство Фракии привело под свою корону западноевропейские племена и государства. Такой путь объединения не подходил для восточнославянских племен, поскольку среди них не было явного доминанта.

Второй путь предполагал союз равноправных общественных групп или племён на основе заключенного между ними договора. До таких межплеменных отношений дело в то время еще не дошло, и эта дорога к объединению славян, к сожалению, была заказана. Была еще и третья дорога, когда можно объединиться вокруг кого-то сильного, отдавая ему свою преданность или расплачиваясь своими богатствами. Такой путь в то время был очень распространен, он носил имя «данни-чества». Слабые платили дань сильному за свою безопасность. Например, Господин Великий Новгород получал дань от угро-финских племён, живших на севере Восточной Европы. Вариант «данничества» подходил восточнославянским племенам того времени, но у него был крупный недостаток – он не был дорогой для образования самостоятельного государства. И об этом должны были задумываться наиболее, как сейчас говорят, «продвинутые» славянские вожди, поскольку у них перед глазами были примеры сильных западных и восточных государств. Для его создания славяне пошли другой, четвёртой дорогой, отличной от описанных ранее. Были приглашены предводители со стороны, имеющие сильное вооруженное формирование – дружину и связи среди западных властителей. В этом варианте было свое преимущество: опыт и сила пришельцев направлялись на защиту от внешнего врага и наведение внутреннего порядка. При этом исключалась возможность геноцида местных племен, поскольку за пришельцами не стояли их многочисленные сородичи. Власть оставалась поделённой между местными вождями и пришельцами на обоюдовыгодных условиях. При их нарушении со стороны пришельцев за местными оставалось право отозвать их или прогнать силой; при невыполнении условий местными вождями «гости» покидали «хозяев». При благоприятных отношениях между договаривающимися сторонами сплав местной и пришедшей элит давал возможность создать государственную власть, что, в конце концов, и произошло. Именно это и позволяет нам считать, что при создании русского государства не племена выбрали государствообразующую дорогу, а дорога – их. Быть может это Божье соизволение и стало гарантом многовекового существования русского государства. Была исключена или, по меньшей мере, существенно понижена степень вражды между разноплеменными людьми, вошедшими в одно государство. Ведь именно огонь этой вражды сжёг связи между западноевропейскими племенами, силой загнанных в Священную римскую империю. В создаваемом новом славянском государстве огонь вражды не разгорелся.

И все-таки, откуда пришли новые люди, вокруг которых началось объединение славянских племён? Вопрос интересен для русского человека, и вокруг этого вопроса, в основном, идут баталии между историками и интерпретаторами истории.

Начнем разбираться с того, что пришельцы не принесли с собой своих богов, а молились славянским, языческим. Можно сделать вывод о том, что они не очень отличались от богов их родины, и это становится первым аргументом в пользу прибалтийской версии. Вторым аргументом можно назвать язык общения между варягами-пришельцами и местным славян-

ским населением. Трудно представить, что рядом с варяжскими князьями и их воинами присутствовали переводчики-толмачи, ведущие синхронный перевод со славянских наречии на германо-романский язык. Обе стороны должны были хотя бы понимать друг друга, что характерно, скорее всего, для народов граничащих друг с другом. Третьим аргументом в пользу прибалтийской версии может быть предположение о близости письменности пришедших варягов и, как минимум, новгородцев. Все они пользовались так называемым “русским письмом” – глаголицей. По всей видимости, она существовала в Новгороде. Не мог же город, основным видом занятий которого являлась торговля, не иметь письменности. Вполне вероятно, что на глаголице (либо на подобном алфавите) писались торговые договоры.

Факт распространения глаголицы обыгрывается некоторыми современными авторами, доказывающими наличие всеобщей грамотности в Древней Руси и называющими русский язык прародителем европейских языков. Но это была совсем не наша Русь, наш русский экспресс в то время ещё не был сформирован. Глаголица, представляющая “русские письмена ” изначально не была славянской, только к концу IX века она становится одной из славянских азбук. Упоминание о ней впервые встречается в Житии Константина Философа (Кирилла), в котором говорится, что Кирилл, посетивший в середине IX века Херсонес (в то время византийский город), видел там Евангелие и псалтырь, написанный “русскими письмены ”. Кирилл действительно мог читать книгу, написанную на глаголице, имеющей базовые греческие буквы, мало соответствующие восточнославянскому языку. Глаголица имела распространение в Восточной Европе, ей пользовались и восточные славяне для составления дипломатических договоров и других документов как до, так и после появления кириллицы, адаптированной Кириллом под восточнославянский язык. Название “русские письмена” нельзя также связать и с Киевской Русью, глаголица появилась ещё до ее образования, и наиболее вероятно, что её автор был грек, проживавший в Придунайской Руси, соседствующей с Болгарией.

И, наконец, последний четвёртый аргумент, приводимый советскими историками *111*. Он относится к названию племени “русь”, откуда пришли варяги. Топонимика тех времен изобиловала названиями, которые можно было переводить как «русь». Это объясняется тем, что с библейских времён район Прибалтики заселяло племя так называемых “ругов”. Как и большинство племён в эпоху переселений это племя распространилось по различным территориям. Именно оно и дало название “Русь” народам разных европейских регионов. Только в Прибалтике известно четыре Руси, одна из которых называлась Ругиландом. Приходя в те места, где жили славяне, руги смешивались с ними, и новые племенные образования получали названия Ругия, Руйя, Росия, Руссия, Русь. Отличия в произношениях объясняются особенностями языка, на котором говорилось то или иное название. Потом появились Карпатская, Придунайская, Азово-Тмутараканская, Приднестровская (далее – Киевская) Руси. В пользу прибалтийской версии говорит и более позднее появление “Литовской Руси”, основой которой стало великое княжество Литовское, возникшее из прибалтийских племён.

В «Повести временных лет» приводится перечень приграничных с варягами городов со славянскими названиями: Новгород, Белоозеро, Псков, Изборск. Как отмечает летописец, в них, помимо славян, жили и представители племен «варяжских» – «новгородцы от рода варяжского» /51, с. 8/. Наличие в этих городах прибалтийского этноса подтверждают найденные фрагменты материальной культуры и современные антропологические исследования. Это свидетельствует о близких, родственных связях между новгородцами и варягами. К тому же надо учитывать, что поиск сильного и авторитетного «объединителя» или «защитника» вёл самый большой и богатый из приграничных городов – Новгород, ведь именно туда пришли первые варяги.

Русские летописи дают разные годы основания Новгорода, но официальной датой принято считать 859 год, основываясь на первом упоминании о Новгороде в Никоновской летописи, составленной в XVI веке. В ней приводится запись о смерти новгородского старейшины Гостомысла в 859 году. С ним связана легенда, которая гласит, что у Гостомысла были три дочери, средняя из них была замужем за варяжским князем Рюриком. По своей смерти Гостомысл завещал новгородцам пригласить Рюрика на княжение для защиты от других варягов, и новгородцы последовали его совету. Однако можно понять, что город к тому времени уже существовал, пусть даже и с другим названием. Даже само название "Новгород " говорит о том, что был какой-то «Старый город», откуда пришли люди, заложившие «Новый город». На роль «Старого города» претендуют как минимум два более древних славянских поселения, находившихся недалеко от современного Новгорода. Одно из них упомянуто в скандинавских сказах, в них повествуется, что в истоках реки Волхова, ближе к Ильмень-озеру, на островном холме был построен укрепленный городок «Великий Словенск». Его появление можно связать с VIII веком, когда происходило заселение Восточно-европейской равнины племенем словен. Правление в нем осуществлялось по законам вечевой республики, как и в будущем Новом городе. Но пришла страшная болезнь – моровая язва, город Словенск опустел, а оставшиеся жители основали Новый город выше по реке старого и назвали его Новгород. «Старым городом» может ещё являться так называемое «Рюриково городище», оно датируется VIII–X веками. Оно сохранилось до наших времен и находится в двух километрах от исторической части Новгорода.

Итак, варяги пришли в Новгород, но на каких условиях? Почему это важно нам и в чем разница между «объединителем» и «защитником». Обратимся вновь к нашим помощникам.

– Начнем с терминов. «Объединитель» – это, как правило, старший, авторитетный и сильный член некоего сообщества. Его должны слушаться и повиноваться, – начал Историк высказывать свою версию. – «Защитник» обладает силой, но далеко не всегда является старшим и авторитетным. Более того, «Защитник» может быть простым наёмником, которого сообщество взяло на службу за определенное вознаграждение. Отсюда вывод: если варяги были наняты как защитники, то это свидетельствует о богатстве и могуществе наших предков, а если варягов призвали как объединителей, то – о бедности и слабости.

– Именно о слабости и пишет автор «Повести временных лет». Варягам сказали: приходите княжить и владеть нами, – сослался Археолог на летописный артефакт.

– Да, но автор – инок Киево-Печерского монастыря, не был свидетелем тех событий, он описал то, что произошло за два века до него, и, по всей вероятности, он переписал их из какого-то источника, – Историк упорно защищал свою версию. – К тому же надо учитывать, что во времена Нестора (так звали инока) Русью правил представитель монархической семьи из пришедших варягов, и поэтому вполне возможно, что автор старался ему угодить. А в описываемые им времена Новгород был, как говорится, «не лыком шит», и принять власть пришельца он не мог, для него существовал вариант заключения договора найма.

– Но как тогда быть с обоснованием, приведенным Нестором, которое гласит, что среди славян не было порядка, поэтому они и позвали варягов, – продолжал Археолог ссылаться на летописца. – В противном случае, он так и написал бы, что варягов призвали защищать славян.

– Беспорядок на Руси был и тогда, когда Нестор писал свою летопись. Он мог его переложить и на времена Рюрика. – Историк продолжал защищать версию «служения», но не очень уверенно.

Поможем ему, сославшись на то, что в договоре Новгород мог предложить часть доходов города за обязательства защиты от внешней угрозы и поддержания внутреннего порядка. Самые ранние из дошедших до нас договоров между Новгородом и князьями датируются началом 60-х годов XIII века, и в них имеются ссылки на предшествующие договоры, к сожалению

не сохранившиеся до наших времен. Вполне вероятно, что подобный договор, который оговаривал ограничения княжеской власти призываемых на службу князей, мог быть заключен и в IX веке. Это косвенно подтверждают археологические находки, касающиеся сбора государственных доходов и формирования новгородского бюджета. По мнению крупнейшего специалиста в области истории средневекового Новгорода В.Л. Янина[1], они соответствуют времени приглашения варягов союзом северо-западных племён.

Подобные договоры Господин Великий Новгород будет заключать всю свою дальнейшую «вольную» жизнь, до правления Московского государя Ивана IV. Они давали Новгороду ряд преимуществ. Во-первых, он не терял свою власть, она делилась между городом и нанятыми на службу князьями, границы власти оговаривались в условиях договора. Поэтому формулировка летописца «приходите княжить и владеть нами» вызывает большие сомнения. Ни летописец, ни мы не видели текста договора между Новгородом и варягами. Что было в нём можно только предполагать, исходя из дальнейшего хода развития исторических событий. Княжить – да, а вот владеть – только в рамках договора. Именно такая основа была во всех новгородских договорах с нанятыми им на службу князьями. Во-вторых, к соглашению Новгород мог привлечь другие города и племена, чем он уменьшал свой денежный вклад и заинтересовывал вторую сторону договора. В данном случае помимо городов, находящихся под его властью, Новгород поддержали племена чудь, весь и кривичи. Это и стало основой дальнейшего объединения соседних с Новгородом городов и племён. В-третьих, Новгород снимал с себя неопределённость кому платить за безопасность.

Это объясняет, на первый взгляд, нелогичность действий славян, описанных в «Повести временных лет». Так, согласно летописи, они вначале прогнали варягов, не заплатив им дань, а потом через два года, не совладав с внутренними разногласиями, призвали варягов «княжить и владеть». Наиболее вероятно, что они прогнали одних варягов, а пригласили других, с которыми были давние связи. Ими оказались три брата из варяжского племени «русь». Старший из них – Рюрик, осел в самом большом городе – Новгороде, другой – Синеус – в Белоозере, третий – Трувор – в Изборске. Наверняка в этих городах были люди, которые поддержали пришельцев своим авторитетом и властью, поэтому и княжение не сопровождалось какими-либо протестами со стороны населения. Да и власть пришедших князей не предполагала быть абсолютной, а тем более монархической. Она станет такой позже, но не на Новгородской земле. Сюда они пришли не владеть, а служить. А пока пришельцы создавали оборону путём закрепления своих людей – «мужей» – в близлежащих городах и племенах: Ростове (меря), Муроме (мурома), Полоцке (кривичи).

Так всё-таки, с какой целью пришли варяги на Русь, «владеть» славянами, как пишет летописец, или служить им? Обратимся вновь к нашим помощникам.

– Спорить с таким авторитетным человеком, как летописец Нестор тяжело, да и не стоит, – начал Историк искать некий компромисс. – Ведь мы не знаем, какими источниками он пользовался. Я бы сказал так: вначале служить, а потом уж владеть. Только в разные времена и в разных местах.

---

[1] **Янин Валентин Лаврентьевич** родился в **1929** году в городе Вятке, российский историк и археолог, действительный член Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, член Комиссии по особо ценным объектам культуры при Президенте РФ, председатель музейного совета при Российском фонде культуры, член консультативного совета при Министерстве культуры РФ, член Государственной комиссии по реституции культурных ценностей, председатель специализированного совета по археологии и этнографии, член специализированного совета Института археологии РАН, научный руководитель Новгородского филиала Института истории РАН, почётный гражданин Великого Новгорода. Отец – санитарный врач, мать – учительница. В **1946** году после окончания школы с золотой медалью был зачислен на исторический факультет МГУ. В **1962** году работал начальником Новгородской археологической экспедиции МГУ, за полученные результаты удостоен Ломоносовской премии. Профессор кафедры археологии исторического факультета МГУ. Область научных интересов – история, археология и источниковедение средневекового Новгорода, исследование берестяных грамот. Лауреат различных премий, в том числе Ленинской и Государственных премий СССР.

– Точно можно сказать только то, что варяги во главе с Рюриком впервые появились в Новгороде, и версия о том, что их позвали служить, а не владеть славянами, для нас, потомков славян, более почетна,

– Археолог был осторожен в своих выводах.

– Не только почётна, но и научно значима. Версия «служения» позволяет вести отсчёт государственного образования наших далёких предков не с Киевской Руси, а намного раньше – с Новгородской республики. В этом случае Киевская Русь представляется как вторичное государство, появившееся на дороге, ведущей от Новгородской республики, – Историк воспрянул духом, и у него бурно заработала фантазия. – В истории тогда много чего изменится: предками великорусской нации станут славянские племена Новгородской земли, начало европейской демократии переместится из Лондона в Новгород и многое другое.

«Мечты, мечты. Где ваша сладость?» Мы же с Вами, уважаемый читатель, не пойдем вслед за ними, а остановимся на версии призыва Рюрика на службу Новгородом. Эта версия хорошо вписывается как в события, предшествовавшие появлению варягов, так и в последующие. Именно она выводит нас на ту, четвёртую дорогу образования русской государственности, о которой мы говорили ранее. Она началась в Новгороде, и по ней пошёл сформированный в дальнейшем русский экспресс.

Братья Рюрика княжили недолго. Они умерли через два года и, вполне возможно, не без помощи старшего брата, поскольку на их места он послал своих подручных, и все нажитое братьями перешло к нему. Двоих своих «мужей» – Аскольда и Дира он отправил вниз по Днепру, и они добрались до Киева.

Согласно летописи, Киев был основан тремя братьями: Кием, Щеком, Хоривом и их сестрой Лыбедью, и назван в честь Кия, старшего брата. Точная дата основания города не установлена. Первое славянское поселение, по некоторым предположениям, существовало на территории современного города ещё в VI веке. В хронике XVI века польского историка и первого историографа Великого княжества Литовского М. Стрыйковского утверждается, что город Киев был основан в 430 году. Эта концепция, подкреплённая празднованием в 1982 году 1500-летия Киева, рассматривалась как общепринятая. Однако, значительная часть историков и археологов, ссылаясь на данные археологии, считает, что образование Киева как города проходило на рубеже IX и X веков. Наиболее ранняя обнаруженная киевская деревянная постройка относится к 887 году. Только в X веке отдельные поселения слились в единое поселение городского тина. Один из первых документов, где упоминается название Киева, написан в X веке, он является рекомендательным письмом, выданным Яакову бен Ханукке иудейской общиной Киева для предъявления в других иудейских общинах. В арабских сочинениях того же периода Киев (Куйаба) фигурирует как центр одной из групп русое, наряду с Новгородом. На протяжении большей части IX века Киев находился в нестабильной зоне венгро-хазарского конфликта, что не могло отрицательно сказаться на его экономическом положении. Согласно «Повести временных лет» во второй половине IX века в Киеве стали княжить дружинники варяга Рюрика Аскольд и Дир, освободившие полян от хазарской зависимости.

Ко времени прибытия варягов к Киеву его основателей – трёх братьев, Кия, Щека и Хорива, уже не было в живых, а киевляне платили дань хазарам. Пришельцы пообещали освободить киевлян от этой дани и остались в городе. В этом случае уже не возникает споров в целях появления варягов – они действительно пришли владеть Киевом и прилежащей к нему Полянской землёй. Рюрик оставался княжить в Новгороде.

Вот мы и подходим к первоначальному формированию русского экспресса. Остается непонятно, какой же город должен был стать в нем локомотивом? По нашей логике эту роль надо отдать Новгороду, пригласившему варяжского князя Рюрика из племени «русь». К тому

же Новгород стоял на более высоком уровне развития по сравнению с другими городами восточнославянского мира. Это можно объяснить его граничным расположением между славянскими и западноевропейскими племенами, благодаря чему он являлся как бы посредником в общении между ними. Его изначальный этнический корень был, безусловно, славянский, но как мы ранее предположили, в состав его населения входили и представители племён южного берега Балтики. Важно и то, что основным источником дохода Новгорода была торговля, а она подразумевает наличие свободных денег, дорог и связей с различными регионами Европы. В «Повести временных лет» летописец косвенно подтверждает это легендой о посещении апостолом Андреем Киева и Новгорода. В ней говорится, что апостол Андрей из черноморской Корсуни (нынешний Херсонес) поднялся по Днепру до гор, на которых установил крест и предрек, что «здесь град велик бытии». Его пророчество сбылось. Именно там, но значительно позднее, появился Киев. Далее апостол Андрей поднялся выше по реке в «Словению, где сейчас Новгород» и оттуда добрался до Рима через варягов /51, с. 5/. В «Словении» он видел, как люди парятся в банях, чему очень удивлялся и рассказывал об этом в Риме. Этот рассказ относится еще к библейским временам и свидетельствует о славянском происхождении Новгорода и его месторасположении на дорогах, связывавших север и юг Европы.

Всё перечисленное давало Новгороду право стать лидером в объединенной славянской структуре, однако локомотивом нового состава оказался всё-таки не Новгород, а Киев. Чем это можно объяснить? В 879 году Рюрик умирает, оставив малолетнего сына Игоря. Новгородским князем становится Олег, родственник Рюрика, который, согласно нашим предположениям, должен был перезаключить договор с Новгородом о княжении. По-видимому, его не устроили условия договора, и в 882 году он вместе с малолетним Игорем уходит из Новгорода в Киев, где свергает его правителя Дира и становится киевским князем. К тому времени варяги укрепились в ряде славянских городов, особенно в Киеве, который был им обязан за защиту от хазар. За это он, как говорят сейчас, заплатил «натурой». Получив полную власть над Киевом и Полянскими землями, Олег сказал сакраментальную фразу – «се буди мати градам русским», и образовал в Киеве великокняжеский престол государства, в название которого вошло имя родного для варягов племени «русь».

Как считают отечественные историки /15, с. 67–69/, Нестор является лишь одним из продолжателей летописи, начало которой было положено в первой половине XI века при великом киевском князе Ярославе Мудром. Именно тогда в летопись могли быть занесены сведения о князьях Олеге и Игоре. Тогда же были живы и свидетели крещения Руси киевским князем Владимиром. Вполне возможно, что эта информация существовала в отдельных записях, сведенных позже в единое произведение и переработанное за сто лет различными авторами. Нестор был одним из них и окончательно завершил летописный труд. К тому времени «Повесть временных лет» несла еще и политическую нагрузку для предоставления истории Руси зарубежным странам. В ней Русь показана как самостоятельное славянское христианское государство, руководимое варяжской (читай – европейской) монархией, призванной на княжение в IX веке и ведущей свою родословную от известного в Европе княжеского рода Рюриков. Насколько всё это соответствовало первоначальным (до Нестора) записям сейчас понять трудно, отсутствует альтернативная информация, но именно такое представление создавало Киевской Руси должный авторитет среди европейских стран и показывало её политическую независимость от Константинополя. Если же внимательно изучить летопись, представленную Нестором, то в ней видны временные и логические нестыковки. В первую очередь это касается родства между Рюриком, Олегом и Игорем. В летописи Игорь представлен малолетним сыном Рюрика, опекаемым его родственником Олегом. Однако в некоторых новгородских источниках Олег упоминается как воевода на службе у князя. Вероятно, что Игорь на самом деле был сыном не Рюрика, а Олега, и тогда рушится вся красивая легенда проис-

хождения русской монархической власти от варяжского князя. Этого не могла допустить ни правящая династия Киевской Руси, ни позднее Московского государства. Примем на веру и мы с Вами, уважаемый читатель, версию Киево-Печерского монаха Нестора.

Итак, в 882 году Киев стал столицей нового государства и под управлением варяжского князя Олега русский экспресс со скрипом тронулся со станции «Киевская Русь». Под влиянием Новгорода или в самостоятельном правлении остались племена словен, радимичей, вятичей, кривичей, мурома и финно-угорские племена: мери, весь, мари, карела. В состав Киевской Руси вошли южные славянские племена полян, древлян, северян, полочан и дреговичей. Находясь в подчинении Руси, они стали называться «русскими». Не от этой ли подчинённости пошло название нашей национальности не как отвечающее на вопрос «ты кто?», например, «болгарин», «поляк», «немец» и так далее, а как прилагательное, отвечающее на вопрос «ты чей?» – «русский».

По какому пути мог тронуться вновь образованный русский экспресс? В его составе находились оседлые племена, и казалось, что теперь под защитой воинственных варягов можно было спокойно заниматься земледелием и торговлей. Но Киев был не так богат, как Новгород, а власть любит деньги. Где же их можно быстро взять? Путь известен с давних времен – разбой. Но что можно было получить с соседних славянских племён? Особо ничего. На радость варяжским пришельцам не так далеко от них была самая богатая империя того времени – Византия, или, как ее тогда называли славяне – Греция. Поэтому пришельцы обратили свой взор туда, и то, что место их вожделения находится за морем, их не испугало; ведь они пришли из краев, где море страшнее и холоднее, а опыт построения морских судов у них имелся. До варягов славяне плавали по своим рекам на плоскодонках, в которых не выйдешь на морскую волну. И что самое важное, был у пришельцев и опыт грабежа. Этим они занимались всю свою историю, на берегах Балтики того времени другим путем богатства особо не сыщешь.

Но с кем идти на грабительский промысел? С полянами и древлянами, которые всю жизнь работали на земле, а меч в руки брали только для защиты от таких же разбойников, какими были пришельцы? Вот здесь впервые и столкнулись две силы, которые мы дальше будем называть Святая Русь и Русь Окаянная.

Впервые название «Святая Русь» мы встречаем в устном народном творчестве – былинах. В них представителями «Святой Руси» являются волхвы и народные герои: Святогор, Волх Всеславович, Михайло Потык, Волъга, Микула Селянинович, Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович и более пятидесяти других имен. Некоторые из них появились еще тогда, когда не было ни Руси как таковой, ни святости в понимании православного христианства. Но сказания передавались из уст в уста, и постепенно древнебылинные, дохристианские и народные герои христианского периода стали святыми для той страны, в которой жили народные сказители – для православной России. Их всех объединило название «Святая Русь».

Для героев все дела святы: битвы с иноземными захватчиками, защита рубежей страны, наведение в ней порядка; для их противников же – окаянные. А противниками их Родины были: Калин-царь, король Чубодей, Батыга и прочие лица иноземного происхождения. Кроме них в былинах появлялись и местные враги, принимавшие вид чудищ: Соловей-разбойник, Змей Горыныч, Идолище, Кощей Бессмертный и другие страшилища, которых мы сейчас встречаем в детских ужастиках. Вполне возможно, что эти нечисти представляли Русь Окаянную, в которой были разбой, жадность и унижение слабых. В противоположность ей, Святая Русь гордилась своим воинским братством, добродушием, бескорыстной помощью и свободой души. Так, на предложение черниговского князя о наградах за победу над вражеской «силой могучей» былинный богатырь Святогор Романович отвечает: “Мне не надобно, князь, да золо-

той казны, мне не надобно, князь, славы-почести, мне не надобно, князь, села с приселками; только дозволь мне-ка князь ехать во чисто поле, да в то же раздольице широкое мне себя показать и людей посмотреть”. /6, с.39/.

Былинные события тех времен малодостоверны, но в делах народных героев уже ясно просматривается то, что составляло в те далекие времена Святую Русь и Русь Окаянную. Это заметно даже в самых простых житейских ситуациях. Вот одна из них /6, с. 60/. Остановился «старый казак» Илья Муромец на распутье трех дорог перед Вещим камнем (помните картину В.М. Васнецова «Витязь на распутье»?) и читает: «Налево пойдешь – будешь богатым. Направо пойдешь – будешь женатым. Прямо пойдешь – будешь убитым». Ситуация ясна – прямо ходить нельзя, как сейчас бы написали «Вход воспрещен. Частная собственность. (или: Злая собака)». А вот идти по другому пути не только можно, но даже желательно, к чему и призывают рекламные сообщения на камне о возможности заработать денег или устроить свою личную жизнь, как мы поняли бы это в двадцать первом веке. Теперь послушаем сказителя, как эту ситуацию обдумывает богатырь Илья Муромец. Идти налево за богатством? А зачем оно ему? Нет у Ильи молодой жены, на которую можно было бы потратить это богатство, значит, и не нужно оно ему. Идти направо за молодой женой тоже нет смысла, поскольку для неё у Ильи нет того самого богатства, которое предлагается в левой стороне. Но компромиссный вариант: вначале сходить налево за богатством, а потом вернуться и пойти направо за молодой женой, Илья вообще не рассматривает. В этом с былинных времен прослеживается черта русского человека не любить компромиссы. Или так, или нет, и ничего другого. У Ильи остался только один вариант – идти вперед (отступить для былинного богатыря считалось совсем неприлично, поэтому такое действие не предлагалось). Делать нечего, тронул Илья Муромец своего коня и поехал туда, где можно голову сложить. Едет да посматривает по сторонам, нет ли чего злодейского? Нет ничего, всё красиво и спокойно. Обманул Вещий камень что ли? Вот и городок чистенький виднеется, а на крылечке девушка-чернавушка к себе в дом зовет, отдохнуть да развлечься предлагает: «Тебе пить или есть хочется? Опочинуться со мной хочется?”» То есть все радости жизни предлагает. Как тут не согласиться? Соглашается и Илья, да глаз и ухо востро держит. Не понравилась ему предлагаемая кровать, схватил он черна-вушку, да и бросил на нее. И полетела тесовая кровать во погреба глубокие! А в них уже маются десятка три молодцев, не совладавших с собой перед чарами девушки-чернавушки. Выгонял их Илья оттуда плетью, поучая «не сдаваться на речи бабьи, да прелести их мягкие». Вроде не столь богатырское дело совершил, ан поучительное, а значит, святое.

Пришедшим варягам нужно было подавить в славянском народе то, что считалось у него святым, в первую очередь добродушие и бессребреничество. И вот Олег собирает войско не на защиту страны, а для грабительского набега на Константинополь. В него он включает полян, древлян и других представителей славянских племён, а также приглашенных друзей-варягов и разных иноземцев. Разношерстная эта армия поплыла на 2000 кораблях, на которых разместилось около восьмидесяти тысяч воинов. Перешли море, вот и Константинополь, за его мощными стенами блестят золотые маковки христианских церквей. И здесь летописец, с трудом сдерживая ужас и негодование, начинает описывать действия Олега. «И вышел Олег на берег, и воевать начал, и много убийств сотворил около града греков, и разбил много полат, и пожёг церкви, и также взял пленников: одних посекли, других замучили, иных расстреляли, а других в море кинули; и много иного зла сделала русь грекам, которое могут ратники сотворить” /51, с. 8/. Вот оно, действо Руси Окаянной! Испугался Константинополь такой варварской дикости, беспощадной злобы и презрения к жизни при отсутствии всего святого, запросил пощады, откупаясь данью. Согласился и Олег, понимая трудности штурма высоких стен города, и в честь победы прибил свой щит на ворота Царьграда. Этим щитом Россия гордится до сих пор. А надо ли?

За окаянные дела последовала окаянная награда: на каждого ратника по 12 гривен да дань Киеву-городу и «тем городам, где сидят князья, под Олегом сущие (находящиеся)». В перечислении этих городов нет ни Новгорода, ни других, с ним связанных. Это свидетельствует о том, что сформированный в Киевской Руси экспресс миновал эту проходную станцию без них.

Вот на какую дорогу перешёл русский экспресс после создания своей государственности! Лиха беда начало. Начало разбоям положено, и Киевской Руси они понравились. Разбойные походы Русь Окаянная стала совершать систематически как на Константинополь, так и на соседние славянские города. Третий князь киевский, сын Игоря – Святослав в одном походе разграбил болгарский город Переяславец на Дунае, разбил армию византийской Греции, пригрозил прийти под стены Константинополя и получил с испуганной Византии дань. Возможно, Русь осталась бы в мировой истории как средневековое разбойничье государство, если бы в 970 году не произошло объединение Новгорода с Киевом. На этой станции к русскому экспрессу, кроме Новгорода, присоединились и другие восточнославянские земли. В русском народе окрепли позиции Святой Руси, он учился сам себя защищать. Нередко, уводя воинов в разбойные походы, князья оставляли без защиты русские города и селения, и к ним подступали иноземные разбойные орды. И тогда простой народ во главе со своими героями вставал на свою защиту. В сражениях русских людей с иноземцами родились святые слова, приведенные летописцем: «да не посрамим земли Русской, но ляжем костьми тут, ибо мертвые сраму не имут». Как часто они будут нужны потом русскому народу в годы борьбы с иноземными захватчиками! Быть может и наше поколение обязано им жизнью.

Итак, на первых двух промежуточных остановках по ходу движения экспресса русский народ научился воевать, что дало ему силы отражать атаки иноземных захватчиков (святое дело!) и добывать богатство в разбойных набегах на соседей (а это уже окаянное). После объединения Новгорода с Киевом русское государство стало мощной политической силой в Восточной Европе, заняв промежуточное положение между Западом и Востоком. Все формы общения между европейскими и восточными государствами стали немыслимы без учета интересов России. Кроме того, она взяла на себя великую миссию по предотвращению экспансии кочевников в Европу, а затем окончательного умиротворения восточных земель евразийского континента. На многие века это великое деяние стало заслугой Святой Руси, оно дало возможность Западной Европе совершить научно-культурное Возрождение, плодами которого воспользовалось потом всё мировое сообщество.

Но у Киевской Руси, помимо внешних забот, имелись и внутренние. Основной из них было поддержание единства страны за счет сильной централизованной власти. Само понятие «власть» предполагает элемент насилия, и может быть оправдано, скажем, в том случае, если исходит от власти Божьей или власти, полученной от Него. В те далекие языческие времена было много богов, у каждого из них была своя власть, а значит, у людей были разные понятия о правильности тех или иных действий. Это ярко и страшно показано летописцем в сказании о княжении сына Рюрика Игоря и его жены Ольги. Игорь и Ольга происходили из варяжского рода, и их бог требовал наказания смертью за смерть, причиненную их соплеменнику. У славян же смертью мог наказываться тот, кто нарушил свои обязательства. Поэтому, когда Игорь, собрав дань с древлян в договорном объеме, вернулся обратно и потребовал дать еще столько же, древляне расценили это как нарушение договоренности. Осудив его действия, они пришли к выводу, что «как повадится волк к овце, то выносить все стадо надо, пока не убьют его». Вот его и убили. Месть Ольги последовала быстро и страшно, мы помним её по книгам и фильмам, в которых рассказывают и показывают, как людей закапывали живыми в их ладье, сжигали в бане, а голуби разносили огонь под крыши древлян. Насладившись местью, Ольга все-таки понимала, что только за счет жестокости не построишь единое государство. Поэтому она женила своего единственного сына Святослава на Малуше, дочери князя древлян,

по сути, организатора убийства её мужа, а в помощь Святославу назначила воеводой Добрыню, дядю Малуши. Вот так, в третьем поколении после Рюрика варяжская кровь киевских князей разбавилась славянской, и в дальнейшем ее разбавляла кровь господствующих европейских родов. (Интересный факт приводит летописец. Когда Владимир, сын Святослава и Малуши, решил жениться на варяжской княжне Рогнеде, она отказала ему, сказав: «Не хочу идти за сына рабыни». Если уж славянская княжна Малуша была для варягов «рабыней», то что уж тогда говорить об отношении пришедших варягов к простым славянам!)

Ольга первая из княжеского рода приняла христианство. Отмолив все свои языческие грехи, она стала святой в Русской Православной Церкви. Другой былинный персонаж того времени – Добрыня Никитич. Олицетворяя собой Святую Русь, он своими подвигами и характером заслужил память в народных сказаниях.

Упоминание князя Владимира говорит уважаемому читателю, что русский экспресс уже близок к узловой станции под названием «Выбор религии». Но перед этим он приостановился на малозаметном полустанке, имя которому «Братоубийство». Можно было бы и не обращать на него внимания, если бы колея потом не привела к большой узловой станции «Междоусобица», на которой русский экспресс потерпит свою первую большую аварию. После себя киевский князь Святослав оставил троих сыновей-наследников: Ярополка, Владимира и Олега. Ярополк, как старший сын, был оставлен на Киевском великокняжеском троне, а Владимира посадили “столоваться” в Новгороде. Владимиру это не понравилось. Одно дело быть полным властителем в Киеве, и совсем другое – делить свою власть с посадником (выборное лицо) в Новгороде. Владимир затеял интригу против брата, формальной причиной которой стало убийство Ярополком своего брата Олега. Владимир собрал войско и пошел на Полоцк, где княжил преданный Ярополку варяжский «муж» Рогволод. Владимир убил Рогволода и двоих его сыновей, забрал его дочь Рогнеду (ту самую, которая отказалась выходить за него замуж), осадил Киев и предложил брату освободить великокняжеский престол. Ярополк отказался, его поддержали киевляне. Тогда Владимир подкупил воеводу Ярополка с одиозным именем Блуд, с его помощью выманил Ярополка из Киева и убил его.

Киев открыл перед Владимиром свои ворота и, въехав в них, Владимир занял место машиниста русского экспресса. Шел 980 год, до следующей узловой станции оставалось еще восемь лет. За эти годы нужно было много сделать, но, начав с окаянных дел, Владимиру было трудно перейти к делам святым. Побежденный похотью женской, он завел, как утверждает летописец, семьсот наложниц по разным городам и, следуя языческим обычаям, имел несколько жен из различных племен. Они родили ему девятнадцать детей, шесть из которых будут княжить потом на земле русской и бороться за великокняжеский престол. А пока детки подрастали, Владимир еще раз сходил на окаянное дело – пограбил хорватов, а на обратном пути совершил дело святое – разгромил печенегов, шедших грабить его родной Киев. В ратных делах и обильных застольях время пролетело быстро. Впереди замаячила узловая станция, пора было готовиться к переходу на другие рельсы. Владимир задумался…

А пока великий князь киевский думает о возможном пути русского экспресса, мы с Вами, уважаемый читатель, поразмыслим о том, была ли альтернатива созданию Киевской Руси у славянских племен, территориально расположившихся подковой от северо-востока до юго-востока Западной Европы?

После поражения славянских племён в борьбе с германскими племенами, их историческая участь была незавидна. Их отстранили от возможности пользоваться плодами греко-римской цивилизации и вытеснили на восток с лучших по климатическим условиям и более плодородных западных земель. Дальнейшему движению на восток препятствовали тюркские народы, населявшие Приволжские земли. В южных регионах хозяйничали степные кочевники, своими набегами не дававшие спокойно заниматься сельскохозяйственным трудом. С запада продолжалось территориальное давление германских народов. С северо-запада периодически прихо-

дили варяги для пополнения своих финансов в промежутках между рейдами на более богатые западноевропейские города. В довершение ко всему славяне оказались отрезаны от морских коммуникаций. Между славянскими племенами не было согласия, среди них отсутствовал тот, кому можно было отдать власть так, чтобы это удовлетворило всех. По всему, славян просто ожидало растворение в среде этнически близких западных народов, либо гибель от тюрско-восточных племён.

Земли, заселенные славянами, рассматривались соседними к ним народами как пространство для своей территориальной экспансии. Первый, западный вариант, оказался исторически отложенным из-за распада Священной Римской империи в начале IX века. Образовавшиеся на ее месте государства выясняли отношения между собой, им не было дела до восточных племён. Для реализации второго, восточного варианта, у тюркских племён в то время еще не хватало достаточной силы, она у них появится в XIII веке с приходом татаро-монгольских орд. Таким образом, для славян образовался интервал между IX и XIII веками, который давала им Госпожа История для своего государственного устройства с целью этнического выживания. Из выше сказанного можно сделать вывод о том, что созданию Киевской Руси была только одна альтернатива – исчезновение славянского этноса. Но Госпожа История не проявила себя столь расточительно, и в результате образовалось государство Киевская Русь, которое отправилось в путь по своим рельсам. Насколько этот путь станет успешным, зависело от того, сможет ли в рамках государства родиться новая русская нация из конгломерата славянских племён.

Теперь еще один важный вопрос. Были ли, кроме самих славян, те, кто нуждались в то время в порядке на славянской земле? При наличии таковых изменчивая Фортуна могла повернуться лицом к славянам и дать им выжить. И такие влиятельные силы нашлись. Через славянские земли проходили две главные торговые дороги, одна из них соединяла Восток и Запад, иначе – Азию и Европу («Волжский путь»), а другая Юг и Север («Путь из Варяг в Греки»). Волжский или волго-балтийский торговый путь – самый первый из речных путей, соединивших Европу с восточным Халифатом в раннем средневековье. В период своего расцвета во второй половине IX века Волжский торговый путь обеспечивал экономическое благосостояние трёх государственных образований – Новгорода в верховьях Волги, Волжской Булгарин в средней ее части и Хазарского каганата в низовьях. Сам Новгород стал крупнейшим международным торговым городом. Об этом говорят многочисленные клады, содержащие европейские и восточные монеты, золото, цветные металлы, драгоценные ткани, сосуды для вина и оливкового масла. На раскопках Рюрикова городища были найдены арабские и византийские монеты, датированные серединой IX века. Самый ранний из этих кладов был найден близ Старой Ладоги и по младшей монете датирован 786 годом.

Торговый путь «из Варяг в Греки» являлся самым коротким и дешёвым маршрутом по рекам и Чёрному морю от Скандинавии и Прибалтики до Константинополя, и торговым людям очень хотелось, чтобы он был ещё и безопасным. Значение этого пути пропадёт только к XIV веку, когда скандинавские и прибалтийские народы окончательно интегрируются с народами Западной Европы, а византийская империя одряхлеет и будет ожидать, когда её сиятельную голову снесут турки-османы. Но до этих событий оставалось ещё целых пять веков, а пока вдоль этих торговых путей располагались русские города, богатевшие на торговле. Поэтому История и Фортуна отнеслись благосклонно к инициативе объединения славянских племён в единое государство, дающее возможность всему славянскому этносу сохраниться на непредсказуемых зигзагах истории. Дело, безусловно, святое, большинство славянских народов благодарят за него Русь до нынешних времён. Большинство, но не все, и в этом вина уже Руси Окаянной, которая стремилась обогатиться за счёт славянских народов или силой взять власть над ними. И такая борьба на «славянском фронте» между Святой Русью и Русью Окаянной продолжалась всю дальнейшую историю вначале Русского, а затем Российского государства.

Святая Русь освобождала своих славянских «братушек» от иноземного ига, а Русь Окаянная ходила на них с военными походами. Здесь наглядно подтверждаются слова русского философа И.А. Ильина[2], что «рядом с окаянной Русью (и даже в той же самой душе!) всегда стояла святая Русь. И Россия жила потому, что святая Русь вела несвятую Русь, обуздывала и учила окаянную Русь». Святая Русь защищала свои границы, а Русь Окаянная ходила в разбойничьи походы на соседние государства; Святая Русь радела за безопасность торговых путей и поддерживала торговлю, а Русь Окаянная богатела на грабеже стран, участвующих в этой торговле; Святая Русь помогала братским славянским народам и тут же Русь Окаянная начинала их душить; Святая Русь собирала восточные славянские племена в единое государство, чтобы выжить в окружении иноземных захватчиков, Русь Окаянная загоняла их силой под своё владычество. Русское государство с начала своего образования стало жить, пользуясь плодами окаянных и святых деяний.

Помимо грабительских походов, силовых поглощений и войн с другими странами Киевская Русь вела активную мирную внешнюю политику. Так за время своего правления князь Владимир подписал договоры с королем Венгрии, королем Польши, королем Чехии, императором Византии и даже с Папой Римским. Киевская Русь была признана европейскими государствами, она стала их щитом от набегов азиатских орд и ожидала помощи в своём дальнейшем развитии. Но для этого нужно было сделать соответствующие шаги, о которых размышлял великий киевский князь Владимир. К чему он пришёл, мы с Вами, уважаемый читатель, узнаем на следующей узловой станции.

---

[2] **Ильин Иван Александрович** (1882–1954) – русский философ, писатель и публицист. Родился в дворянской семье. Отец – крестник императора Александра II, владелец имения «Большие Поляны» в Рязанской губернии, мать – российская немка. В 1906 году окончил юридический факультет Московского университета и остался там преподавать. В 1910 году Ильин находился в научной командировке в Германии и Франции, после чего в 1918 году защитил диссертацию «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» и стал профессором правоведения. В 1922 году по приказу Ленина был выслан из России на «Философском пароходе». Работал профессором в Русском научном институте в Берлине, был одним из главных идеологов русского Белого движения в эмиграции, тяготел к интеллектуальной традиции славянофилов, издавал журнал «Русский колокол». В 1934 году был уволен с работ и преследовался гестапо. В 1938 году покинул Германию, перебравшись в Швейцарию в пригород Цюриха, где продолжил научную деятельность до конца своих дней. В эмиграции Ильин оставался противником коммунизма и большевизма. Взгляды Ильина сильно повлияли на мировоззрение русских интеллектуалов консервативного направления XX века. Труды Ильина стали издаваться в СССР с 1989 года. В октябре 2005 года прах И. А. Ильина и его жены перезахоронили в некрополе Донского монастыря в Москве, рядом с могилой А. И. Деникина

Глава 2
Перекрёсток религий

Развилки, которые мы ищем сами.

О том, что Владимир задумался, какая религия нужна Руси, нам подсказал автор «Повести временных лет». Поначалу Владимир начал наводить порядок и субординацию среди славянских языческих богов. Что же не устраивало его в языческой религии славян? Видимо, отсутствие религиозной помощи в руководстве страны, в которой он выстраивал управленческую «вертикаль». Среди богов, так же, как и среди людей, нужен кто-то старший, которому все остальные должны повиноваться. Пусть, решил Владимир, будет если не единобожие, то хотя бы «главнобожие». И тогда главным из языческих богов он «назначил» Перуна, его деревянную фигуру украсили серебряной головой и золотыми усами и поставили выше всех остальных: Херса, Даждьбога, Стрибога, Симарьгла, Мокоши и других. Им киевляне приносили жертвы, вполне возможно, что и человеческие. К ногам богов несли разные дары, одному богу больше, другому меньше. Получалось, что языческие боги не объединяли население Киевской Руси, а, наоборот, разъединяли его. И уж точно не давали единую религиозную идею всем племенам Киевской Руси. Это главное, что понял Владимир, и это подвигло его остановить процесс дальнейшего развития язычества в русском государстве. Альтернативой стал поиск иной религии с единым богом для всех. Было ли что-нибудь подобное в практике других государств? Обычно религиозная идея либо рождалась среди народа и потом постепенно набирала силу, либо её приносили проповедники и своими отработанными методами внедряли в сознание народа. Существовал и силовой способ внедрения религии в массы, но им, как правило, пользовались завоеватели, приносившие в завоёванную страну в «одном флаконе» как свою власть, так и свою религию. У Владимира ситуация была необычная: он решил внедрять религию с помощью авторитета светской власти государства. Для этого нужно было вначале выбрать новую веру, затем отказаться от старой, свергнуть её богов, на их место установить новое божество и «предложить» народу ему поклоняться. Во что могло всё это вылиться, заранее предположить было трудно, всё зависело от крепости старой веры в сознании народа, авторитета правителя и привлекательности самой новой веры для масс. Сам Владимир мог верить в свой авторитет и силу, а также с достаточно большой вероятностью предположить, что сможет выбрать религию, близкую народу, но вот в оценке крепости старой веры в сознании народа он мог ошибаться. Глубокая вера сделает ситуацию революционной, «предложение» примет форму принуждения, государственную силу придётся направить против народа, религия окрасится кровью с непредсказуемыми последствиями.

Выбор новой религии для страны является задачей многофакторной, Владимиру надо было принять во внимание: 1) характер существующих религий, 2) государства, их исповедующие, 3) отношение религий к централизованной светской власти, 4) близость религиозных догм менталитету русского народа, 5) наличие возможностей обучения народа основам религии, и, наконец, 6) свои личные предпочтения. Из всех перечисленных факторов для Владимира, как руководителя государства, наиболее важными были второй и третий, они непосредственно влияли на государственную внешнюю и внутреннюю политику. Затем шли четвёртый и пятый факторы, которые определяли возможность принятия и понимания народом религии. Немаловажным был и шестой фактор, ведь поскольку выбор делал один человек, его личные предпочтения могли сыграть неожиданную роль и нарушить всю логику, построенную на главных политических факторах. Что касается первого фактора – характера существующих на то время религий – то он определял множество решений по выбору религии для русского народа.

Сам Владимир об этом наверняка не задумывался, он не был специалистом в области решения многофакторных задач и надеялся на свой опыт и Божье Знамение. Вполне возможно, что оно-то и повлияло на его выбор, в чём уверена Русская Православная Церковь, принявшая Владимира в сонм христианских святых. Мы же с Вами, уважаемый читатель, попытаемся понять, как и к какому решению мог прийти Владимир, если бы он искал его, исходя из множества перечисленных выше факторов.

Начнём с выяснения характера религий народов, окружавших Киевскую Русь. Для этого воспользуемся классификацией религий атеиста Ф. Энгельса, приведенной в книге советских историков и философов «Введение христианства на Руси» /7, с.11/. Эта книга написана перед знаменательной датойпразднованием Тысячелетия крещения Руси в 1988 году – с целью описать предпосылки и последствия принятия православия с точки зрения марксизма-ленинизма. Энгельс разделял религии на естественные и искусственные, национальные и наднациональные. К естественным религиям относятся, в основном, языческие, так как они основаны на страхе человека перед окружающей природой и отвечают его естественным желаниям: безопасности, сохранению жизненных благ, побед в своих делах, веселью и любви. В искусственные религии, а ими, по мнению Энгельса, являются буддизм, христианство и ислам, уже вносятся определённые социальные принципы и доктрины, религиозное право, политика, мораль, философия. Энгельс считал, что Евангелие создавали крупные и образованные мыслители, философы и литераторы. «Отцом» и «дядей» христианства он называл античных философов Филона и Сенеку, что позволило сделать следующий вывод: «Христианство было идейным производным поздней античности. Оно осваивало прежде всего античный мир, его периферию и окружение. По своей природной принадлежности христианская религия в первую очередь европейская. Другая, обширная зона цивилизации, Восток, была завоёвана исламом и буддизмом» /7, с. 15/. Иудаизм и индуизм Энгельс относил к смешанным религиям, поскольку они появились на основе древнееврейских и древнеиндийских языческих верований, искусственные элементы в которые позже были внесены религиозными теоретиками.

В основном, национальные религии являлись языческими, они, как правило, не выходили из рамок одной народности или племени. Объединение этнически близких племён приводило к выделению общих богов, что давало начало появлению наднациональных религий, носителями которых становились уже группы народов. Наднациональная религия предлагала идею более высокого уровня, чем национальная или языческая. Она позволяла принявшему её народу попасть в некий «избранный клуб», использовать возможность культурного и экономического общения с «одноклубниками» и не замыкаться в национальных рамках. Ко времени остановки русского экспресса на узловой станции «Выбор религии» наднациональными религиями мирового уровня ближайших к Руси стран были буддизм, христианство, ислам и иудаизм. Именно среди них киевский князь Владимир мог начать свой поиск. Какого рода трудности перед ним стояли? Спросим об этом наших очередных помощников: Политика и Философа.

– Вряд ли Владимир задумывался о многофакторности решаемой им задачи, – Политик не очень уважал «царицу наук» математику. – Ему надо было сделать выбор между Востоком и Западом. Если он решит в дальнейшем ориентироваться на Запад, то ему надо было выбрать христианство, а если на Восток, то – ислам.

– Это слишком упрощённо и прагматично, можно даже сказать, цинично, – категорически не согласился с ним Философ. – Я уже не буду говорить о философии, которую несёт каждая религия. Князь Владимир, как и Вы, господин Политик, в то время это вряд ли понимал. Религия предлагает определённый образ жизни для народа, и если он не подойдёт народу, то его в такую религию даже огнём и мечом не загонишь.

– Силой можно загнать любой народ в любую религию, что и доказал Карл Великий, создавший христианскую Священную Римскую империю, – хмыкнул Политик.

– Да, если это народы чужие, а не свои. Вначале христианство обрели франки, далее Карл силой христианского народа поработил другие народы и заставил их принять религию победителей, – Философ не собирался сдаваться. – В первую очередь, сам Владимир, кровь которого наполовину была славянской, должен был понять, насколько та или иная религия подходит ему, язычнику.

Нам с вами, уважаемый читатель, мнение Философа, наверное, нравится больше, но всё же, ближе к истине оказался Политик. Владимир в первую очередь заинтересовался странами, в «избранный клуб» которых могла войти Киевская Русь после принятия той или иной религии. Наиболее близкая к Руси страна, исповедавшая буддизм, о которой у Владимира могли быть хоть какие-то сведения, была Монголия. Однако она находилась слишком далеко, и с ней отсутствовали какие-то постоянные связи. Вряд ли тогда кто-то мог представить, что через два с половиной века эта страна появится на пороге Руси в форме татаро-монгольского нашествия и поставит её на колени! Поэтому мы с Вами, уважаемый читатель, вместе с князем Владимиром, отринем возможность появления буддизма на Руси в государственном масштабе. А вот совсем близкая и существенно более приятная восточная соседка – Волжская Булгария, исповедовала ислам. Как тут не вспомнить, что великие киевские князья X–XI веков носили восточный титул «кагана», что соответствовало западному званию императора! Да и экономическое положение восточных мусульманских стран в то время было значительно лучше, чем западноевропейских. С ними Киевская Русь торговала, на них военными походами не раз хаживали русы за два моря: Чёрное и Каспийское. В тех краях некоторые из русских воинов приняли мусульманскую веру. Она приходилась им по нраву: боевая, воинственна и поощряет многожёнство, что на Руси в те времена процветало. На вино, правда, запрет вводит, но его можно и отменить. Так что, раздумывая о своем выборе, Владимир оставлял ислам как возможную религию для Киевской Руси.

Следующая территориально-близкая страна – Хазария, исповедовала иудаизм. В чём его суть, для Владимира могло быть непонятно, впрочем, это и не важно. Главное то, что хазары – извечные враги русским, сколько из-за них Русь натерпелась! Впрочем, отец Владимира – князь Святослав, в 965 году сильно потрепал Хазарию, после чего она успокоилась. Видимо, не помог ей иудейский бог. Поэтому Владимир с порога отринул от Руси иудаизм.

Оставались ещё Византия и Западная Европа, там властвует христианство. Бабушке, княгине Ольге оно пришлось по нраву, она не раз ездила в Царьград, где приняла его. Потом тихая и смирная стала, всё грехи за разбой над древлянами отмаливала. Да что уж там говорить – Царьград действительно царь-город. Один только собор Святой Софии чего стоит! Снаружи и изнутри весь золотом сияет! Перед греческим богом и голову склонить приятно, хорошо заботится он о своём народе. Недаром и германцы тоже к нему притулились. Так что Владимир оставил и христианство как возможную религию для своей страны.

В итоге мы с Вами, уважаемый читатель, после рассмотрения первого и второго фактора, повлиявших на выбор религии для Киевской Руси, пришли к выводу, что из первоначального множества наднациональных мировых религий для дальнейшего рассмотрения Владимир мог оставить ислам и христианство. Это к тому же соответствовало территориальному и политическому положению Киевской Руси между Востоком и Западом. Так Русь впервые столкнулась с выбором между Западом и Востоком, и в дальнейшем этот выбор ей придётся делать часто.

Теперь рассмотрим третий фактор – отношение ислама и христианства к централизованной светской власти. Для наведения справок об исламе и выяснения политического состояния главных мусульманских государств Владимир отправил послов в Волжскую Булгарию и в Хорезм. Послы доложили, что политическое положение этих стран было нестабильным, и Владимир мог усомниться в возможности ислама укрепить центральную власть Руси. Другое дело Византия, она находилась на пике своего расцвета (то, что с пика рано или поздно придётся спускаться, мы, как правило, не задумываемся). И «греческое» (византийское) христианство

всеми способами старалось поддержать государственную власть. Такая вера объединяла многоязычное византийское общество, что было очень актуально и для раннего русского государства. Сам император являлся главным лицом государства и церкви, и это придавало ему ещё больший авторитет среди населения. Так что третий фактор был в пользу христианства, но ислам пока ещё рано отстранять от участия в выборе. Насколько он подходит для русского народа, насколько он близок его менталитету? Только теперь Владимир озаботился о том, о чём нам говорил Философ.

У Владимира должны были быть более глубокие знания о нормах мусульманской жизни, чем о христианской. Всё-таки с восточными мусульманскими странами у восточных славян было больше общих точек соприкосновений, чем с той же «Грецией». И в житейском плане мусульмане более подходили русским, чем гордые греки. Западные же христиане, хотя и этнически были ближе к славянам, чем восточные тюркские народы, но смотрели на славян как на варваров. Так что по четвёртому фактору христианство проигрывало исламу. Перейдём к пятому, он должен был оценить наличие возможностей обучения русского народа основам ислама или христианства.

Здесь полное преимущество оставалось за христианством. Славянская Болгария, принявшая христианство почти сто лет назад, по языку схожа с восточными славянами, в ней существовала христианская религиозная литература, написанная на разработанной братьями Кириллом и Мефодием кириллице. Эта литература была освящена Римским Папой и на ней даже проводили богослужения в Риме. Исламская переводная богослужебная литература отсутствовала полностью. Так что победа по пятому фактору оставалась за христианством. Всё решил, однако, шестой фактор – личные предпочтения самого Владимира.

Какими они были? Ранее мы рассказывали о его языческих увлечениях: многожёнстве, наложницах, обильных пирах. Всё это отталкивало от христианского смирения и больше влекло к мусульманским обычаям. Однако тогда он был молод, а к появлению русского экспресса на узловой станции «Выбор религии» кровь Владимира уже не так играла и бурлила. После последнего хождения в Константинополь он заключил договор, в котором «греки» обещали ему в жёны дочь константинопольского императора христианку Анну. Это поставило бы Владимира на уровень самого императора, что было весьма авторитетно и приятно. Была и память о бабушке-христианке. Кроме того, в стольном городе Киеве существовала достаточно влиятельная христианская община, куда входили бояре и богатые купцы, поддерживающие торговые связи с христианскими странами. В итоге выбор Владимира был сделан в пользу христианства.

Так русский экспресс прошёл развилку пути между возможными религиями и готов был направиться в сторону христианства. И здесь интересно обсудить ислам как наиболее вероятную альтернативу христианству. У него были примерно равные с христианством шансы стать государственной религией в Киевской Руси. Остановившись на исламе, Владимир из политического выбора – Восток или Запад, повернулся бы к Востоку. К чему это могло бы привести? Что думают об этом Политик и Философ?

– Тогда бы Русь оказалась к Востоку лицом, а к Европе, извините, задом. Волжская Булгария, Хорезм, а в последствие и Великий Тамерлан стали бы её союзниками, и с ними Русь могла бы выстоять против будущего татаро-монгольского нашествия, – Политик судил резко и прямолинейно. – Руси такой вариант продолжения событий был бы более выгоден.

– Вполне возможно, – Философ был осторожнее. – Русь, став мусульманской страной, освободилась бы от своей двойственности, от которой она в дальнейшем страдала всю свою историю. Выбрав западный вариант, она до конца не стала европейской страной, и, в то же время, восточные страны не приняли её в своё содружество. Так Россия и осталась не Европой и не Азией, а по сути, одинокой страной, разделившей два континента и две цивилизации – восточную и западную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.